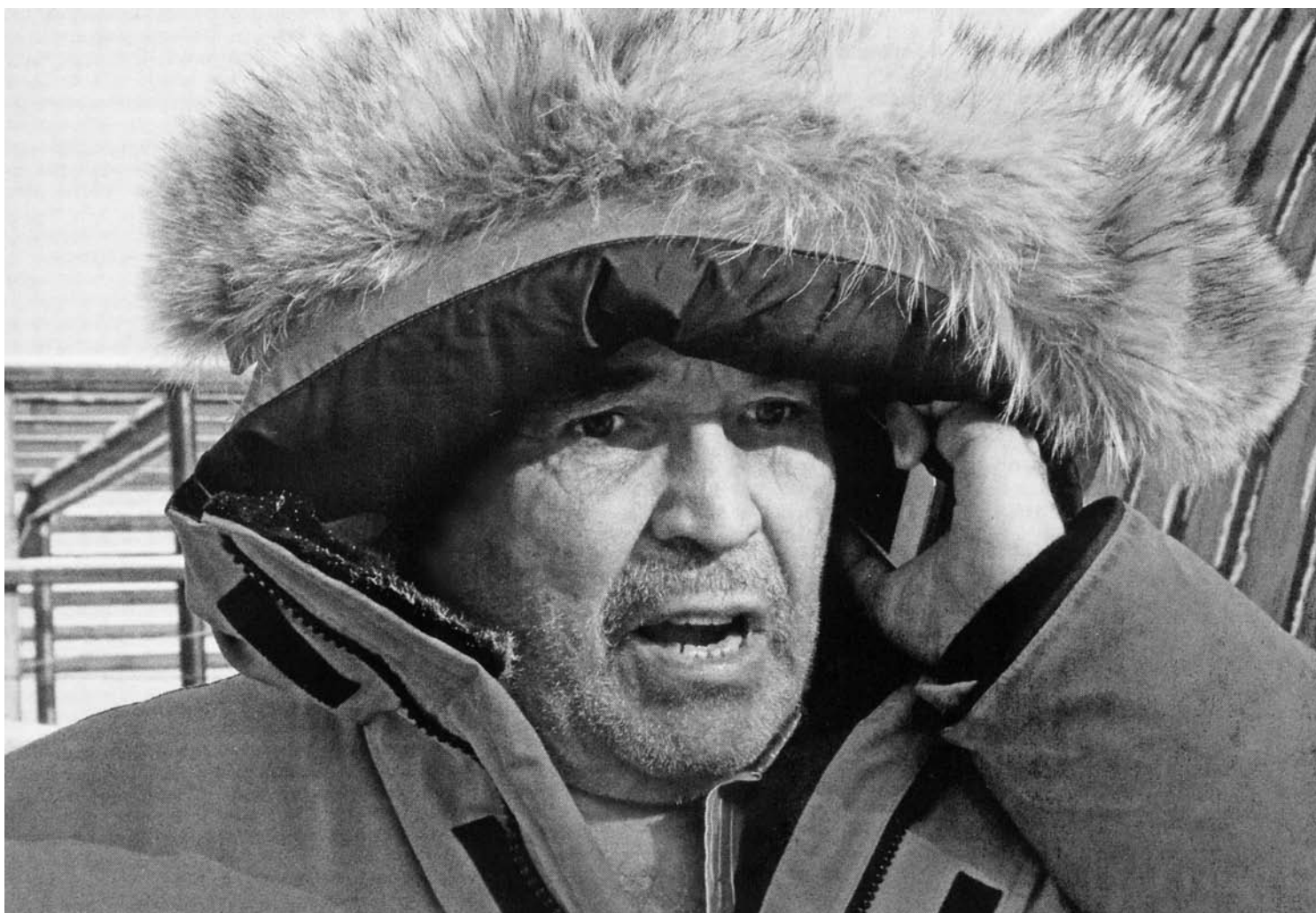

Ирмович. Книга воспоминаний

Так называется книга, изданная родными, друзьями, коллегами Леонида Ирмовича Левина — журналиста, писателя, издателя, ушедшего из жизни в январе 2019 года.

Мы публикуем несколько фрагментов книги

Романтик

Отец был неисправимым романтиком. Как-то отправился на остров Тит-Ары в рыбацкую артель. Хотел написать очерк, хлебнуть простого мужицкого быта... Мне эта история, по кратким отцовским репликам, представилась так...

Записался рыбаком. А там контингент... бродяги, бывшие зэки. Интеллигентность сложно замаскировать, а тут ещё в соседней артели начались посадки... Органы внедрили агента, он разобрался в схемах хищений и всех сдал. Тут-то к отцу и подошли с разговором. Он был физически очень сильным человеком, в своего отца. На журналистском Ысыахе перетягивал всех. Впрочем, не помню, чтобы хоть раз применил силу в жизни. А тут она бы и не помогла.

Хорошо, что «по понятиям» надо сперва поговорить, а то могли бы и молча пику под ребро. Пришлось показывать припрятанную журналистскую кофточку... Впрочем, и после этих приключений романтизма не убавилось.

Вячеслав Левин

Остаётся его имя

Есть якутская пословица: «Когда умирает щука, остаются её зубы, когда уходит человек, остаётся его имя». Народная мудрость не случайно ставит рядом человека и щуку, рыбу сорную и не особо чтимую в наших краях. Ведь любая пословица или поговорка имеет воспитательный смысл, стало быть, всю жизнь надо помнить о том, что агрессия, жадность, всеядность никогда не составят человеку имя...

О мудрости этой пословицы я задумалась, когда села писать о Леониде Ирмовиче Левине. Я знала его с конца семидесятых годов прошлого века, наши жизни постоянно соприкасались, мы шли практически параллельным курсом...

Это было в Усть-Майском районе, в году восьмидесятом. Писательская делегация через хребет Джугд-жура поехала в Солнечный, который тогда был

районным центром. Дорога была длинной, и, конечно, Леонид Ирмович пел. За рулём сидел маленький, худой, какой-то запуганный беззубый мужик. Он молчал, отвечая односложно на все вопросы. Но было видно, что с охотой отзывался на расспросы Левина. И вот среди невинных вопросов о дороге, об окрестностях Леонид Ирмович вдруг спросил его: «Сидел?». Тот ответил утвердительно, но настояжился.

«Я больше ничего не буду спрашивать, не бойся. Давай лучше петь», — сказал Левин. Я сидела впереди и видела, как водитель облегчённо вздохнул, распрямился... Никогда не забуду, как он пытался подпевать Леониду Ирмовичу: душа его пела, это были счастливые моменты его жизни... Он старался и невпопад подхрипывал оптимистичным песням Левина, при этом лицо его было озарено внутренним светом... Позже, вспоминая эту поездку, я рассказала Леониду Ирмовичу о своих впечатлениях об этом водителе. Он сказал: «Просто его жизнь разучила петь...»

Я думаю, что этот забитый жизнью человек запомнил имя Левина. И у нас у всех остаётся имя Леонида Ирмовича, так или иначе бывшего рядом в нашей жизни. Мудрость народа, как всегда, права.

Наталья Харлампьева

Укусная атака

Переоценил, явно переоценил Леонид Ирмович итальянское гостеприимство. Памятуя о том, что вечером за ужином в ресторане отеля, где поселилась наша журналистская группа, официанты щедро разносили кувшины с вином, Ирмович сделал вывод, что вино здесь будет подаваться с утра до вечера.

Такое случалось в Испании или на Сицилии: приходишь на завтрак, а шведский стол предлагает тебе, кроме нарезок, салатов и омлета, взбодрить себя стаканчиком холодного игристого слабоалкогольного напитка.

Итак, второй день в Италии. Приходим с Ирмовичем на завтрак, принимаемся, изучаем обстановку. Посетителей мало, и, воспользовавшись этим,

мы спешим к призывно выставленным закускам. Лёня крутит головой и даёт мне понять, что нашёл что-то важное. Я видел, как он подошёл к небольшому столику, заставленному разными бутылочками, и наполнил два стакана.

— Яблочное, — сказал он, поставив один стакан передо мной.

— Странно, — удивился я. — А виноград в Италии больше не растёт?

Лёня кивнул: — Ну, давай, старина, за наш первый завтрак в Италии. Мне она всё больше нравится. Он скользнул своим стаканом по моему и практически залпом опустошил его. Я тоже поднёс яблочное к губам, и в нос мне ударил резкий уксусный запах. Это и впрямь был уксус. Смотрю на Ирмовича: на нём лица нет. Задыхается, хватая ртом воздух, словно окунь.

Бегу на кухню, прошу воды у мойщицы посуды. И тороплю: человек погибает! Два стакана воды Леонид опрокинул один за другим без передышки. На шум в зал выскочили работники кухни. На лицах читался испуг. Кто-то стал даже названивать в «Скорую помощь», но Ирмович, чувствуя ненужное внимание к его персоне, успокаивает синьоров и синьорит: всё нормально, всё уже хорошо.

Я помню, как сильно перепугался за друга, а он очень мужественно всё перенёс. Слава богу, обошлось. Настроение улучшилось, когда один из работников кухни принёс огромный кувшин с вином.

— Виноградное? — на всякий случай уточнил Ирмович (он шутил, и это обнадеживало).

— А какое же ещё?

— Знаем, знаем, пробовали...

Василий Смирнов

«Стрелка» в центре Москвы

Москва, 1993 год. В стране царит безработица, вызванная не столько отсутствием работы, сколько дефицитом денег. Царствуют четыре слова на букву Б: бандиты, банкиры, бабки, бартер. Бабки есть только у бандитов и банкиром. Большинство населения пользуется бартером, то есть меняют часы на трусы, хлеб — на водку.

Ещё недавно улицы Москвы были похожи на улицы блокадного Ленинграда: тёмные здания, белые креслы на витринах магазинов, пустые прилавки, грустные лица прохожих. После реформы Гайдара столица стала оживать, точнее, торговля стала оживать. Но поскольку у большинства россиян денег нет, даже «деревянных», то люди обмениваются тем, что осталось от советских времён или чем одарило родное предприятие.

Посредником в этом процессе выступают рекламные газеты. Самая популярная в Москве — «Всё для вас». Я в своём Северодвинске издаю уже три успешные газеты. Неожиданно получаю предложение стать партнёром «Всё для вас». Недолго думая прибываю в Москву.

В приёмной несколько человек, сплошь мужчины. Выделяется один, похожий на актёра Алексея Петренко: такая же небритость на голове и щеках, легкая небрежность в одежде, гренадёрский рост и фактура.

— Леонид, — приветливо протягивает руку. — Я с Севера — Якутск!

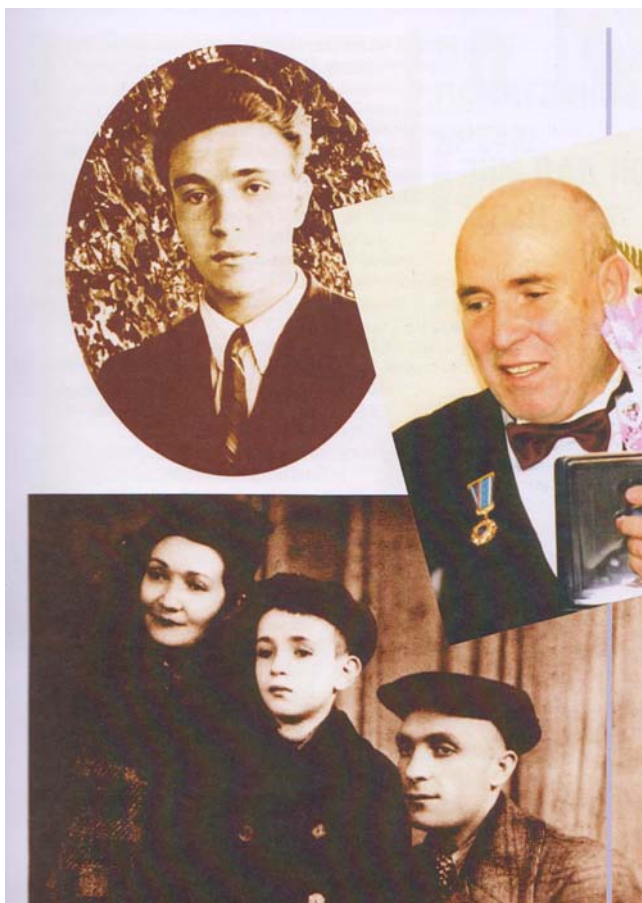
— Почти земляк, — шучу. — Я тоже с Севера — Вячеслав, Северодвинск.

— У меня сына Вячеславом зовут! — улыбается «Петренко».

Так началось наше знакомство. Мы становимся партнёрами «Всё для вас» и в этом качестве регулярно приезжаем в Москву на летучки. На одну из них заглядывает Сергей Дубов, создатель сети газет, и не без гордости произносит: «Я тот, кто всё это организовал!» Мы увидели его в первый раз и, как позже выяснилось, в последний. Вскоре Дубова убивают. В наших рядах и горечь, и растерянность, и страх... На ту пору убийство человека, известного издателя и журналиста, — редкое злодейство. У нас ещё советский менталитет, нет «капиталистического» опыта, и потому не знаем, как действовать дальше: имеем ли мы право после смерти владельца издавать газету?

Впрочем, долго размышлять не пришлось. Вскоре приходит весть, что некие люди, по слухам бандиты, хотят с нами встретиться, вернее, с нашим представителем. Кого делегировать на «стрелку»?

— Я пойду, — не размышляя, вызывается Левин. — У меня, в отличие от вас, есть опыт работы с подобными людьми, я работал в системе лагерей — воспи-

«Я ВСЕГДА ШЁЛ ЛЕДОКОЛОМ. НА СЕВЕРЕ МНОГО ЛЬДА, НАДО ПОСТОЯННО СКВОЗЬ НЕГО ПРОБИВАТЬСЯ... ЧЕМ СЛОЖНЕЕ ПЛАВАНИЕ, ТЕМ РАДОСТНЕЕ КАЖДЫЙ УСПЕХ НА ЭТОМ ПУТИ».

ЛЕОНИД ЛЕВИН

тателем в подростковой колонии. Да и фактура у меня соответствующая. Вскоре Левин идёт на встречу. Не было тогда еще мобильных, чтоб позвонить, узнать, сообщить. Потому ждём и ждём. Часа через два Левин выходит из здания на Пушкинской площади, лицо бледное: «Будем издавать. Платить никому не будем». Подробности опускает, лишь произносит: «А этот В. — откровенный бандит, мог и грохнуть». Вот так мы открывали для себя Ирмыча.

Вячеслав Белоусов

Мой брат Лёня Левин

У меня нет родных братьев и сестёр. Родителям было некогда. Да и негде. Мы жили после войны в Киеве втроем в комнате 8,5 метра.

Но в этой же квартире в другой комнате, где были большой диван и много родственников, жила с мамой, бабушкой и дедушкой моя прехорошенькая двоюродная сестра Лиля по фамилии Немировская. А во дворе того же дома — двор был большой и дружный — в другом подъезде жил двоюродный брат Лёня по фамилии Левин. С папой Левиным и мамой Маней.

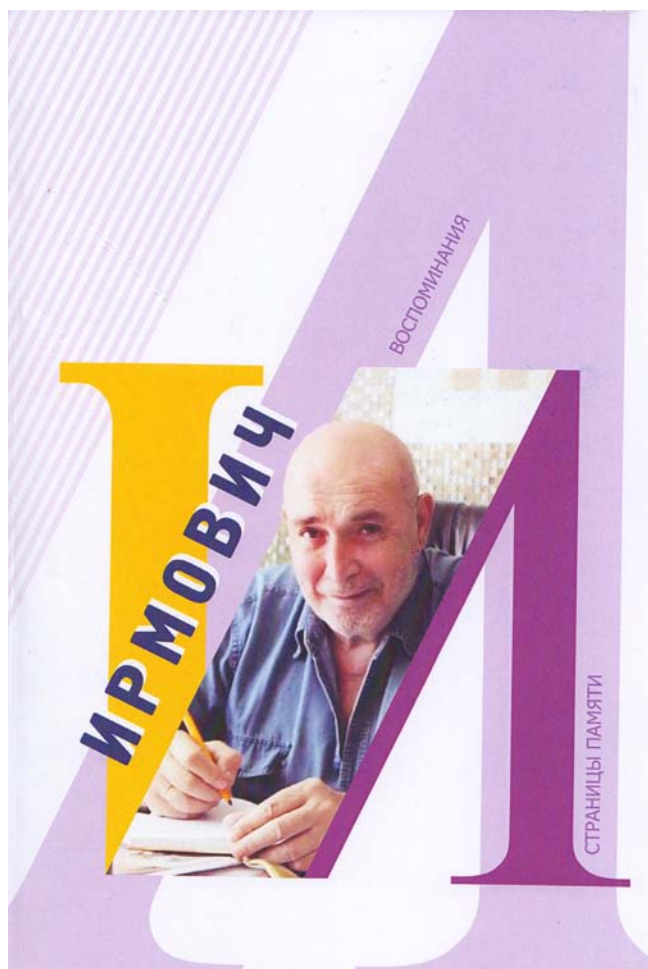
В этом же дворе ещё в другом подъезде в маленькой комнате ютились его тихая, практически безмолвная бабушка и бывший пламенный революционер — её муж, Лёнин дед. Но они уже тогда были очень серьёзно пожилые, и его революционный галстук истлел, хотя огонь в глазах ещё вспыхивал. Особенно при виде молоденьких девушек, что совсем не нравилось бабушке.

Так как моя старшая двоюродная сестра Лиля была очень хорошенькая и без пяти минут балерина, за ней «гонялись» (тогда это так называлось) все мальчишки и юноши нашего двора. И мне перепадало немножко от этих ухаживаний.

А Лёня был главным распорядителем и распределителем. Особенно когда вечерами все выстраивались играть в любимую игру «ручеек», и мальчишки хотели выбрать исключительно Лилю.

Лёня был высокий и не по годам проницательный. От него зависело, с кем сквозь вытянутые в коридорчик руки пройдёт Лиля, а кому достанется на этот раз Галя, или Света, или Инна, или даже я. У меня сердце замирало от счастья, когда мне доставался Игорь Стариков, самый наглый и самый бандитский парень. (Потом он сменит своё хулиганское прошлое на актёрское настоящее, но наши судьбы уже никогда не пересекутся и не волюются ни в какой «ручеек».) А когда наступала зима, к нам слетались, стуча копытками по деревянному полу нашей кухни, все двоюродные и троюродные братья и сёстры — с Печерска, с Подола, с Бессарабки, Пушкинской.

Во-первых, мы жили прямо напротив стадиона «Динамо», где был каток, а во-вторых, у нас была

Если вы хотите получить экземпляр книги, напишите по адресу levin.yakut@mail.ru или позвоните по телефону 89241703001

самая большая кухня, и в-третьих, у нас была самая добрая бабушка. Она делала для всех нас потрясающие деруны (они же драники — по-русски). И, не успев после катка снять коньки, краснощёкие и примороженные, но абсолютно счастливые и весёлые, мы набрасывались на бабушкино угощение.

Надо отдать должное Левину: он пропускал всех и, хотя рисковал остаться вообще без угощения, вежливо и терпеливо, абсолютно великодушно и по-мужски ждал, пока наступит его черёд. Он таким и

остался на всю жизнь, хотя за справедливость и правду сражался жёстко и до последнего. Лёнина мама — очаровательная милая женщина с всегда грустной полуулыбкой, а папа был высокий и громогласный мужчина. Он громко пел, громко смеялся, громко рассказывал о себе. А рассказать ему было что.

Я запомнила фрагмент из его рассказа, когда он со своим партизанским отрядом — а он воевал вместе с партизанами на Украине — попал в плен. Немцы выстроили пленных. Допрос был коротким: юды есть среди вас?

Один из полицаев что-то шепнул немцу, кивнув в сторону Лёниного отца, и немец стал угрожающе приближаться, подозрительно направив на него свои фашистские зрачки...

И тогда громогласность Лёниного папы, его смелость и отчаянность сделали своё дело. Он рванул на себе рубашку, оголив грудь на тридцатиградусном морозе, и зычно гаркнул: «Я сибиряк! Не веришь? Может, тебе ещё х.. показать?! Сейчас штаны скину», — и начал демонстративно развязывать узел на верёвке, которая подпоясывала штаны. (Тут он сильно рисковал...).

Но немец жестом его остановил... И полицай перевёл: досыть! Одягайся, партызаньска харя. Потом они бежали из плена. И снова взяли за оружие...

Лёня тоже был ярким, громким и очень дружелюбным. Его знали и любили. Он, приезжая в Москву, обязательно привозил шикарную сибирскую рыбу и бутылку особенной сибирской водки. Картошка у нас была, и сало, и солёные огурцы... И мы за разговорами и рассказами уходили далеко за полночь. А утром у него уже были назначены встречи и совещания... или он улетал куда-то дальше сражаться за свои идеи.

Он не должен был умереть. Эта страшная, не щадящая никого болезнь с названием из трёх букв совершенно не должна была, не имела права его обезоружить и взять в плен. Жаль, что ей нельзя показать то, что собирался показать немцу его отец ... и выиграть Жизнь.

Алла Сурикова

